

ПЕРВОИСТОЧНИКИ

К. КЛАУЗЕВИЦ
О ВОЙНЕ

ПЕРВОИСТОЧНИК

**К. КЛАУЗЕВИЦ
О ВОЙНЕ**

Подготовка текста и комментариев
Н. А. Чалдымова

И
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1990

ББК 63.3(0)5
К47

Редакционная коллегия:
С. С. АВЕРИНЦЕВ, Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ,
П. С. ГРАЦИАНСКИЙ, А. В. МИХАИЛОВ,
К. Г. СКРЯБИН, Д. М. УРНОВ

0202000000—163
К **М172(03)-90** Без объявл.*

ISBN 5—239—00982—1

© Издательство «Московский рабочий», 1990

Вряд ли кто-то из здравомыслящих людей будет отрицать, что сегодня нет проблемы острее, чем предотвращение войны. Это понятно всем, поскольку современные средства вооруженного насилия не пощадят ни тех, против кого они будут применены, ни тех, кто будет их применять. И тем не менее война продолжает оставаться реальным социальным феноменом.

Несмотря на понимание необходимости избавиться от дамоклова меча, висящего над человечеством в виде ядерного апокалипсиса, мир не делается безопаснее, а гонка вооружений еще не остановлена.

В чем же причина несоответствия здравого смысла и военно-политической практики?

Ответ на этот вопрос не может быть правильным без глубокого теоретического осмысления причин возникновения войны, ее сущности, возможных путей предотвращения.

Распространено мнение, что все споры о сущности, содержании, структурных элементах войны и т. д. являются уделом ученых-теоретиков и не имеют большого значения для практических действий в борьбе за мир. С ним трудно согласиться.

Правильные ответы на теоретические вопросы имеют самый прямой выход на современную общественно-политическую практику. Но теория войны родилась не сегодня. К числу ученых, внесших большой вклад в разработ-

ку этой сложнейшей области научного знания, вне всякого сомнения, относится Карл фон Клаузевиц.

Ф. Энгельс писал о нем, как о звезде первой величины в германской военной литературе. В. И. Ленин считал Клаузевица одним из великих военных писателей. Он тщательно изучил главный труд выдающегося военного теоретика и неоднократно ссылался на него во многих своих работах. Читатель может познакомиться с выписками и замечаниями Ленина на книгу Клаузевица, которые опубликованы в Ленинском сборнике, т. 12. Некоторые из них будут приведены в настоящем издании.

Желание сказать новое слово в развитии основ политического мышления нередко приводит иных теоретиков к бездоказательному разрушению всего, что было создано ранее в теории военной политики. Это прежде всего относится к вопросу о сущности войны. Сегодня раздаются голоса, что Клаузевиц устарел.

Конечно, в положениях немецкого теоретика есть выводы, которые не нужно прямо применять к оценкам реалий наших дней. Но Клаузевиц силен не только отдельными конкретными позициями своих теоретических выкладок, его учение имеет непреходящее методологическое значение, поскольку диалектически вскрывает внутренние пружины появления и развития войны как общественно-политического явления.

Клаузевиц не ставил перед собой задачи создать «вечную» стратегическую теорию, он выявил основные принципы и объективные закономерности развития военной теории. Вот почему есть все основания, оценивая современные процессы военного дела, еще раз вернуться к некоторым идеям этого военного ученого.

Самым значительным трудом Клаузевица по праву считается его книга «О войне». Наиболее законченной, по мнению Клаузевица, является первая глава первой части, которая названа «Что такое война?» и которая, без сомнения, заслуживает внимания.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

«Мы не имеем в виду выступать с тяжеловесным государственно-правовым определением войны; нашей руководящей нитью явится присущий ей элемент — единоборство. Война есть не что иное, как расширенное единоборство. Если мы захотим охватить мыслью как одно целое все бесчисленное множество отдельных единоборств, из которых состоит война, то лучше всего вообразить себе схватку двух борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю; его ближайшая цель — сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению.

Итак, война — э́т о акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю.

Насилие использует изобретения искусств и открытия наук, чтобы противостать насилию же. Незаметные, едва достойные упоминания ограничения, которые он¹ само на себя налагает в виде обычаев международного — рава, сопровождают насилие, не ослабляя, в сущности, его эффекта.

Таким образом, физическое насилие (ибо морального насилия вне понятий о государстве и законе не существует) является средством, а целью будет — навязать противнику нашу волю. Для вернейшего достижения этой цели мы должны обезоружить врага, лишить его возможности сопротивляться. Понятие о цели собст-

¹ В нашем научном языке термины «политическая цель войны» и «цель военных действий» уже укоренились, и мы сочли возможным удержать их. Читатель должен, однако, иметь в виду, что в первом случае Клаузевиц здесь употребляет слово «Zweck», а во втором «Ziel». Как ни близки эти оба слова к русскому «цель», однако они представляют разные оттенки. Ленин, переводя Клаузевица, употребил выражение «политический объект войны». — *Ред*

венно военных действий и сводится к последнему. Оно заслоняет цель, с которой ведется война, и до известной степени вытесняет ее как нечто непосредственно к самой войне не относящееся»¹ (т. 1, с. 25—26).

Очень часто исследователи Клаузевица указывали на влияние, которое оказывал на него Гегель. Более всего оно отразилось на способе изложения. Подобно Гегелю, который разработал метод восхождения от абстрактного к конкретному, Клаузевиц начинает свой труд с самого абстрактного определения войны, которое он затем, по мере продвижения вперед, наполняет все более конкретным содержанием и достигает всей полноты раскрытия действительной сущности войны. Читатель сам может убедиться в этом.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ ВОЙНЫ ВНОВЬ ВЫДВИГАЕТСЯ НА ПЕРВЫЙ ПЛАН

«Здесь снова в поле нашего исследования попадает тема, которую мы уже рассматривали (п. 2): политическая цель войны. Закон крайности — намерение обезоружить противника, сокрушить его — до сих пор в известной степени заслонял эту цель. Но поскольку закон крайности теряет в своей силе, а с ним отступает и стремление сокрушить противника, постольку политическая цель снова выдвигается на первый план. Если все обсуждение нужного напряжения сил представляет собою лишь расчет вероятностей, основывающихся на определенных лицах и обстоятельствах, то политическая цель как первоначальный мотив должна быть весьма существенным фактором в этом комплексе. Чем меньше жертва, которой мы требуем от на-

¹ Клаузевиц. О войне: В 2 т. М., 1941. Далее в скобках указаны том и страницы этого издания.

шего противника, тем меньше сопротивления мы можем от него ожидать. Но чем ничтожнее наши требования, тем слабее будет и наша подготовка. Далее, чем незначительнее наша политическая цель, тем меньшую цену она имеет для нас и тем легче отказаться от ее достижения, а потому и наши усилия будут менее значительны.

Таким образом, политическая цель, являющаяся первоначальным мотивом войны, служит мерилom как для цели, которая должна быть достигнута при помощи военных действий, так и для определения объема необходимых усилий. Поскольку мы имеем дело с реальностью, а не с отвлеченными понятиями, и политическую цель нельзя рассматривать абстрактно, саму в себе: она находится в зависимости от взаимоотношений обоих государств. Одна и та же политическая цель может оказывать весьма неодинаковое действие не только на разные народы, но и на один и тот же народ в разные эпохи. Поэтому политическую цель можно принимать за мерило, лишь отчетливо представляя себе ее действие на народные массы, которые она должна всколыхнуть. Вот почему на войне необходимо считаться с природными свойствами этих масс. Легко понять, что результаты нашего расчета могут быть чрезвычайно различны в зависимости от того, преобладают ли в массах элементы, действующие на напряжение войны в повышательном направлении или в понижательном. Между двумя народами, двумя государствами может оказаться такая натянутость отношений, в них может скопиться такая сумма враждебных элементов, что совершенно ничтожный сам по себе политический повод к войне вызовет напряжение, далеко превосходящее значимость этого повода, и обусловит подлинный взрыв.

Все это касается усилий, вызываемых в обоих государствах политической целью, а также цели, которая будет поставлена военными действиями. Иногда политиче-

екая цель может совпасть с военной, например завоевание известных областей. Порой политическая цель не будет сама по себе пригодна для того, чтобы служить выражением цели военных действий. Тогда в качестве последней должно быть выдвинуто нечто, могущее считаться эквивалентным намеченной политической цели и пригодным для обмена на нее при заключении мира. Но и при этом надо иметь в виду индивидуальные особенности заинтересованных государств. Бывают обстоятельства, при которых эквивалент должен значительно превышать размер требуемой политической уступки, чтобы достичь последней. Политическая цель имеет тем более решающее значение для масштаба войны, чем равнодушнее относятся к последней массы и чем менее натянуты в прочих вопросах отношения между обоими государствами. Бывают случаи, что только ею одной определяется степень обоюдных усилий.

Раз цель военных действий должна быть эквивалентна политической цели, то первая будет снижаться вместе со снижением последней и притом тем сильнее, чем полнее господство политической цели. Этим объясняется, что война, не насилуя своей природы, может воплощаться в весьма разнообразные по значению и интенсивности формы, начиная от войны истребительной и кончая выставлением простого вооруженного наблюдения. Последнее приводит нас к новому вопросу, который нам предстоит еще развить и дать на него ответ» (т. 1, с. 33—35).

**ВОЙНА ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ВСЕГДА ОСТАЕТСЯ
СЕРЬЕЗНЫМ СРЕДСТВОМ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ
СЕРЬЕЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕЛИ.
БЛИЖАЙШЕЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВОЙНЫ**

«Такова война, таков руководящий ею полководец и такова теория, которая ее регулирует. Но война — не забава, она — не простая игра на риск и удачу, не твор-

чество свободного вдохновения; она — серьезное средство для достижения серьезной цели. Все цвета радуги, которыми переливает счастье на войне, все волнения страстей, храбрость, фантазия и воодушевление, входящие в ее содержание, — все это только специфические особенности войны как средства.

Война в человеческом обществе — война целых народов, и притом народов цивилизованных, — всегда вытекает из политического положения и вызывается лишь политическими мотивами. Она, таким образом, представляет собой политический акт. Если бы она была совершенным, ничем не стесняемым, абсолютным проявлением насилия, какой мы определили ее, исходя из отвлеченного понятия, то она с момента своего начала стала бы прямо на место вызвавшей ее политики как нечто от нее совершенно независимое. Война вытеснила бы политику и, следуя своим законам, подобно взорвавшейся мине, не подчинилась бы никакому управлению и никакому руководству, а находилась бы в зависимости лишь от приданной ей при подготовке организации. Так до сих пор и представляли это дело всякий раз, когда недостаток в согласованности между политикой и стратегией приводил к попыткам теоретического опознания. Однако дело обстоит иначе, и такое представление в самой основе своей совершенно ложно. Действительная война, как видно из сказанного, не является крайностью, разрешающей свое напряжение одним-единственным разрядом. Она находится под действием сил, развивающихся не вполне одинаково и равномерно; порою прилив этих сил оказывается достаточным для того, чтобы преодолеть сопротивление, оказываемое им инерцией и трением, порою же они слишком слабы, чтобы проявить какое-либо действие. Война представляет до известной степени пульсацию насилия, более или менее бурную, а следовательно, более или менее быстро разрешающую напряжение и истощающую силы. Иначе говоря, война более

или менее быстро приходит к финишу, но течение ее во всяком случае бывает достаточно продолжительным для того, чтобы дать ему то или другое направление, т. е. сохранить подчинение ее руководящей разумной воле.

Если принять во внимание, что исходной данной для войны является известная политическая цель, то естественно, что мотивы, породившие войну, остаются первым и высшим соображением, с которым должно считаться руководство войной. Но из этого не следует, что политическая цель становится деспотическим законодателем; ей приходится считаться с природой средства, которым она пользуется, и в соответствии с этим самой часто подвергаться коренному изменению; тем не менее политическая цель является тем, что прежде всего надо принимать в соображение. Таким образом, политика будет проходить красной нитью через всю войну и оказывать на нее постоянное влияние, разумеется, поскольку это допустит природа сил, вызванных к жизни войной» (т. 1, с. 42—43).

ВОЙНА ЕСТЬ ПРОСТО ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ ДРУГИМИ СРЕДСТВАМИ¹

«Итак, мы видим, что война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, осуществление их другими средствами. То, что еще остается в ней своеобразного, относится лишь к своеобразию ее средств. Военное искусство в целом и полководец в каждом отдельном случае вправе требовать, чтобы направление и намерения политики не вступали бы в противоречие с военными ме-

¹ Весь этот параграф выписан Лениным. См.: Ленинский сборник XII. С. 395—397. М.; Л., 1930.— Я. 7.

тодами. Это требование отнюдь не является незначительным; но сколько бы сильно полководец в отдельных случаях- ни воздействовал на политические намерения, это воздействие следует рассматривать только как видоизменение их, ибо политическое намерение является целью, война же только средство, а никогда нельзя мыслить средство без цели» (т. 1, с. 43).

ВИДЫ ВОЙНЫ

«Чем грандиознее и сильнее мотивы войны, тем больше они охватывают все бытие народов; чем сильнее напряженность отношений, предшествовавших войне, тем больше война приблизится к своей абстрактной форме, тем больше вопрос сведется к тому, чтобы сокрушить врага, тем более военная и политическая цели совпадут, тем больше война представится чисто военной, менее политической. Чем слабее мотивы войны и напряжение, тем меньше естественное направление военного элемента (насилия) будет совпадать с линией, которая диктуется политикой, и, следовательно, тем значительнее война будет отклоняться от своего естественного направления. Чем сильнее политическая цель расходится с целью идеальной войны, тем больше кажется, что война становится политической» (т. 1, с. 43—44).

Эту мысль В. И. Ленин выделяет особо. Он замечает: «Это NB: кажимость не есть еще действительность. Война кажется тем «военнее», чем она глубже политическая; тем «политичнее», чем она *менее* глубоко политическая» К Потеряло ли свое значение данное положение в современных условиях? Думаю, что нет. Читатель может сам убедиться в этом, если возьмет на себя труд сравнить англо-аргентинский конфликт по поводу Фолк-

¹ Ленинский сборник XII. С. 397.

лендских островов, ирано-иракскую войну, другие войны и военные конфликты последнего времени.

«Но мы должны здесь, во избежание неправильных представлений у читателя, заметить, что под этой естественной тенденцией войны мы подразумеваем только философскую, собственно логическую тенденцию действительных сил, находящихся в столкновении; не следует подразумевать под этим, например, все духовные силы и страсти сражающихся. Правда, последние в некоторых случаях могут находиться в состоянии такого возбуждения, что их трудно сдерживать в пределах, намечаемых политикой; однако большей частью такого противоречия не возникает, ибо при существовании столь сильных импульсов возник бы и соответствующий грандиозный политический план. В тех же случаях, когда план нацеливается на малое, обычно и подъем духовных сил в массах оказывается ничтожным, и эту массу скорее приходится подталкивать, чем сдерживать» (т. 1, с. 44).

ВСЕ ВИДЫ ВОЙНЫ МОГУТ РАССМАТРИВАТЬСЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ

«Итак, возвращаясь к главному, если верно, что при одном виде войны политика как будто совершенно исчезает, в то время как при другом — выступает весьма определенно, то все же можно утверждать, что первый вид войны является в такой же мере политическим, как и другой. Ведь если на политику смотреть, как на разум олицетворенного государства, то в сочетании, охватываемые его расчетом, могут входить и такие сочетания, при которых характер создавшихся отношений вызывает войну первого вида.

Второй вид войны можно было бы считать более охватываемым политикой только в том случае, если под политикой условно разуметь не всестороннее проникно-

вение, а осторожное, лукавое, да, пожалуй, и нечестное мудрствование, избегающее открытого употребления силы» (т. 1, с. 44—45).

**ПОСЛЕДСТВИЯ ТАКОГО ВЗГЛЯДА
ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ
И ДЛЯ ОСНОВ ТЕОРИИ**

«Итак, мы видим, во-первых, что ни при каких условиях мы не должны мыслить войну, как нечто самостоятельное, а должны ее рассматривать, как орудие политики; только при этом представлении возможно избежать противоречия со всей военной историей. Только при этом представлении эта великая книга становится доступной разумному пониманию. Во-вторых, именно такое понимание показывает нам, сколь различные должны быть войны по характеру своих мотивов и тех обстоятельств, из которых они зарождаются.

Первый, самый великий, самый решительный акт суждения, который выпадает на долю государственного деятеля и полководца, заключается в том, что он должен правильно опознать в указанном отношении предпринимаемую войну; он не должен принимать ее за нечто такое, чем она при данных обстоятельствах не может быть, и не должен стремиться противоестественно ее изменить. Это и есть первый, наиболее всеобъемлющий из всех стратегических вопросов; ниже, при рассмотрении плана войны, мы остановимся на нем подробнее. Пока мы ограничимся тем, что установим основную точку зрения на войну и на ее теорию» (т. 1, с. 45).

ВЫВОД ДЛЯ ТЕОРИИ

«Итак, война бывает не только настоящим хамелеоном, так как она в каждом конкретном случае несколько

изменяет свою природу, но также и в своих общих проявлениях, по отношению к господствующим в ней тенденциям, она представляет собой своеобразную троицу, составленную из насилия, как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать, как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случайностей, что делает ее свободной душевной деятельностью; из подчиненности не в качестве орудия политике, благодаря чему она становится достоянием непосредственно рас-судка.

Первая из этих трех сторон обращена больше к народу, вторая к полководцу и его войску, а третья к правительству. Страсти, разгорающиеся во время войны, должны существовать в народах еще до ее начала; размах, который приобретает игра храбрости и таланта в царстве вероятностей и случайностей, зависит от индивидуальных свойств полководца и особенностей армии; политические же цели войны принадлежат исключительно правительству.

Эти три тенденции, представляющие как бы три различных ряда законов, глубоко коренятся в природе самого предмета и в то же время изменчивы по своей величине. Теория, которая захотела бы пренебречь одной из них или пыталась бы установить между ними произвольное соотношение, тотчас впала бы в такое резкое противоречие с действительностью, что поставила бы на себе крест.

Таким образом, задача теории — сохранить равновесие между этими тремя тенденциями, как между тремя точками притяжения» (т. 1, с. 45—46).

Нельзя не оставить без внимания рассуждения К. Клаузевица о ценности самой политической цели. Сейчас положение изменилось настолько, что ни ядерной, ни обычной войной ее нельзя достичь. Ценность политической цели, безумно решившей использовать своим инстру-

ментом войны, будет определяться катастрофой человеческой цивилизации. Но вернемся к мыслям автора.

«Так как война не является слепым актом страсти, а в ней господствует политическая цель, то ценность последней должна определять размер тех жертв, которыми мы готовы купить ее достижение. Это одинаково касается как объема, так и продолжительности принесения жертв. Таким образом, как только потребуется затрата сил, превышающая ценность политической цели, от последней приходится отказываться; в результате заключается мир.

В войнах, где ни та, ни другая сторона не в состоянии окончательно лишить своего противника возможности сопротивления, мотивы к заключению мира у обеих сторон то растут, то уменьшаются в зависимости от оценки вероятности будущих успехов и требуемой затраты усилий. Если бы эти мотивы оказались одинаковой силы у обеих сторон, то последние сошлись бы на середине их политических претензий; когда основания к заключению мира усиливаются у одной стороны, они должны ослабевать у другой; но если сумма мотивов одних сторон окажется достаточной, то мир будет заключен, разумеется, с выгодой для той стороны, у которой побуждения к заключению мира будут слабее.

Мы сознательно не касаемся здесь различия, которое непременно должно сказаться на военных действиях под влиянием позитивной или негативной природы политической цели. Хотя оно и имеет огромное значение, что будет указано ниже, здесь мы должны пока оставаться на общей точке зрения. Первоначальные политические намерения подвергаются в течение войны значительным изменениям и в конце концов могут сделаться совершенно иными именно потому, что они определяются достигнутыми успехами и их вероятными последствиями» (т. 1, с. 49—50).

«Итак, в войне многие пути ведут к цели, причем не

в каждом отдельном случае является надобность в сокрушении противника. Истребление неприятельских вооруженных сил, завоевание провинций противника, временная их оккупация с целью использования их средств, мероприятия, непосредственно предназначенные для оказания давления на политические отношения, наконец, пассивное выжидание ударов врага — все это средства, из которых каждое, в зависимости от особенностей конкретной обстановки, может быть применено с целью преодолеть волю противника» (т. 1, с 54).

Убедительной ли оказывается позиция автора на только «кровавое разрешение» возникающих кризисов, решение спорных вопросов силой оружия? Обратимся к первоисточнику.

«...На войне многие пути ведут к успешному концу — к достижению политической цели; но средство для этого только одно — бой; поэтому все подчинено высшему закону — решению силой оружия. Там, где противник фактически апеллирует к нему, отказываться от этой высшей инстанции нельзя. Воюющая сторона, желающая идти иным путем, должна быть уверена, что противник апеллировать не будет или проиграет свой процесс в этой высшей инстанции. Словом, уничтожение неприятельских вооруженных сил — первенствующая и преобладающая цель из всех, которые могут преследоваться на войне» (т. 1, с. 62).

«...Мы тут же должны подтвердить, что кровавое разрешение кризиса, стремление к уничтожению неприятельских вооруженных сил — первородный сын войны. Пусть осторожный полководец при ничтожных политических целях, при слабых мотивах, незначительном напряжении сил искусно нащупывает на поле сражения и в тиши кабинета пути, ведущие к миру, без крупных кризисов и кровавой развязки утилизирует спе-

цифически слабые стороны армии и правительства противника. Если его предложения достаточно мотивированы и дают основания рассчитывать на успех, мы не вправе его за это укорять, однако должны потребовать, чтобы он все время помнил, что идет обходными тропами, на которых его может настигнуть бог войны. Полководец ни на минуту не должен спускать глаз с противника, иначе он рискует попасть под удары боевого меча, имея в руках только франтовскую шпагу» (т. 1, с. 62).

Нетрудно обнаружить, что данные рассуждения носят в настоящее время весьма спорный характер. Наверное, нельзя не учитывать тот факт, что безопасность эффективно можно обеспечить не только и не столько военными, но прежде всего политическими средствами. Этот процесс сейчас усиливается и носит необратимый характер.

Важнейшие положения теоретического анализа сущности войны, изложенные Клаузевицем в первой главе первой части, нашли свою более детальную разработку в шестой главе восьмой части. Она, по выражению В. И. Ленина, является самой важной главой. Не потеряла она своего значения и в наши дни.

А. ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕЛИ НА КОНЕЧНУЮ ВОЕННУЮ ЦЕЛЬ

Клаузевиц не является сугубо абстрактным мыслителем. Он очень подробно и обстоятельно исследует различные аспекты взаимосвязи войны и политики. При этом выясняется, что установленные им закономерности являются выражением объективных взаимозависимостей, характерных для политической жизни всех периодов развития человечества. Попытка игнорировать законы приводит к плачевным результатам. В этой связи очень интересными и современными представляются рассуждения Клаузевица о союзническом долге.

«Мы никогда не встретимся с таким случаем, чтобы государство, выступающее в интересах другого, относилось к ним столь же серьезно, как к своим собственным. Обычно отправляют среднего размера вспомогательную армию; если ее постигнет неудача, то на всем деле ставят крест и стараются выпутаться возможно дешевле.

В европейской политике давно вошло в обычай, что, заключая взаимные оборонительные и наступательные союзы, государства обязуются оказывать друг другу взаимную поддержку, но не в такой мере, чтобы вражда и интересы одного союзника становились благодаря этому обязательными для другого; поддержка состоит лишь в том, чтобы государства, не обращая внимания ни на предмет войны, ни на усилия противника, обещают друг другу определенную, обычно очень умеренную военную силу.

При таком выполнении союзнического долга союзник не рассматривает свои отношения с противником как состояние настоящей войны, которая обязательно должна была бы начинаться с объявления войны и заканчиваться заключением мира.

Однако это понятие нигде сколько-нибудь определенно не выражено, а практика в этом вопросе представляется колеблющейся.

Дело приобрело бы известную внутреннюю цельность и теория войны не была бы поставлена по этому вопросу в столь неопределенное положение, если бы обещанная вспомогательная сила в 10, 20 или 30 тысяч человек предоставлялась воюющему государству в полное его распоряжение, чтобы оно могло ею пользоваться сообразно своим потребностям; в таком случае на вспомогательный отряд можно было бы смотреть, как на наемное войско. Но на практике бывает далеко не так. Обычно вспомогательная армия имеет своего отдельного командующего, зависящего только от своего правительства; последнее ставит ему цель, наиболее совершенным образом отражающую половинчатость его намерений.

Но даже в тех случаях, когда действительно два государства ведут войну с третьим, все же у них не всегда бывает совершенно одинаковый подход к нему, как к врагу, которого они должны уничтожить, дабы он их не уничтожил; часто все дело трактуется как торговая сделка, в которую каждый вкладывает, в зависимости от степени опасности, которой он подвергается, и в меру выгод, которых он может ожидать, определенный пай в 30—40 тысяч человек и поступает так, как будто он в этом деле может потерять только эту свою долю» (т. 2, с. 329—330).

«Теперь мы наталкиваемся еще на одно своеобразное средство: воздействие на вероятность успеха, не сокращая вооруженных сил противника. Это — предприятия, непосредственно предназначенные для оказания давления на политические отношения. Иногда открывается возможность операций, позволяющих отколоть или парализовать союзников противника, наембовать нам новых союзников, создать выгодные для нас политические комбинации и пр.; все это повышает вероятность успеха, и этот путь к намеченной нами цели по сравнению с сокращением вооруженных сил может оказаться гораздо более кратким» (т. 1, с. 51).

Для Клаузевица характерно сравнение войны с торговлей. Во второй главе первой части он пишет:

«Бой в крупных и мелких военных операциях представляет то же самое, что уплата наличными при вексельных операциях: как ни отдаленна эта расплата, как ни редко наступает момент реализации, когда-нибудь его час наступит» (т. 1, с. 58).

Далее эта мысль выражена еще более рельефно:

«Война есть столкновение крупных интересов, которое разрешается кровопролитием, и только этим она отличается от других общественных конфликтов. Скорее, чем с каким-либо из искусств, войну можно было бы сравнить с торговлей, которая также является конфликтом чело-

веческих интересов и деятельности: гораздо ближе к войне политика, которую опять-таки можно рассматривать как своего рода торговлю, в более крупном масштабе. Политика, кроме того, является тем лоном, в котором развивается война; в политике в скрытом виде уже намечены контуры войны, как свойства живых существ в их зародышах» (т. 1, с. 122).

Заметим, что весь этот параграф выписал В. И. Ленин, а последняя фраза отчеркнута и помечена нотабеной. Но вернемся к рассуждениям Клаузевица в шестой главе восьмой части.

«Такая точка зрения господствует не только в тех случаях, когда одно государство приходит к другому на помощь в вопросе, мало его касающемся; даже при наличии у обоих государств общего крупного интереса дело не обходится без известных дипломатических оговорок, и договаривающиеся стороны обычно обязываются в заключаемой конвенции только на незначительное соучастие, чтобы использовать остальные военные силы в соответствии с особыми соображениями, которые могут возникнуть из дальнейшего хода политики.

Такой подход к ведению войны союзниками являлся чрезвычайно распространенным; лишь в последнее время под влиянием крайней опасности, заставившей умы стать на естественный путь (как то было против Бонапарта); или вынужденный безудержным насилием (в коалициях, образованных Бонапартом), он должен был уступить свое место более естественному.

Этот подход является половинчатостью, аномалией, ибо как война, так и мир по существу являются понятиями, которые невозможно разграничить по степеням; тем не менее эта манера является не просто дипломатическим обычаем, которым мог бы пренебречь разум; она глубоко коренится в природной ограниченности и слабости людей» (т. 2, с. 330—331).

Не правда ли, все это чрезвычайно напоминает нам

ситуацию, связанную с ходом второй мировой войны? Казалось, совершенно другая эпоха, совершенно другие средства ведения войны, сама дипломатия изменилась как в социально-политическом, так и в чисто техническом плане, но сущность, природа международных отношений претерпели значительно меньше изменений. Речь, разумеется, идет об отношениях между капиталистическими государствами.

Совершенно на других основах строилась политика первого в мире государства рабочих и крестьян. СССР почти всегда расценивал союзнический долг выше своих собственных интересов. Такой подход был основан на представлении роли нашей страны как своеобразного плацдарма грядущей мировой социалистической революции. Однако бескорыстная помощь, оказываемая нашим государством своим союзникам, несмотря на ее высокий нравственный заряд, часто не приносила желаемых результатов, поскольку принцип, не соответствующий объективным реальностям, ставился выше фактических возможностей развития международных отношений.

Сегодня деятельность руководителя, пытающегося играть роль Бонапарта, несет в себе опасность развязывания войны. Предотвращение подобных ситуаций прямо связано с проведением в жизнь принципов нового политического мышления, то есть в оказании такого влияния политической деятельности на возможность использования военных средств, при котором сама эта возможность исключалась бы полностью. Победить опасность войны можно, только опираясь на коллективный межгосударственный разум. Этот подход должен основываться не на поиске односторонних выгод, а на приоритете общечеловеческих интересов.

Не только во всемирном масштабе, но и для каждой отдельной страны, для каждого региона политическая цель является более важной по сравнению с целью собственно военной.

«Наконец, и в войнах, которые вело государство в единственном числе, политические поводы оказывали могучее влияние на способ их ведения.

Если мы хотим добиться от неприятеля лишь небольшой жертвы, то можем довольствоваться приобретением посредством войны небольшого эквивалента, что мы считаем возможным при умеренном напряжении сил. Приблизительно так же мыслит и наш противник. Когда та или другая сторона начнет убеждаться, что она ошиблась в своих расчетах, что она не имеет некоторого превосходства над противником, как того желала, и, наоборот, оказалась слабее его, то в этот момент обычно не хватает ни денег, ни всех остальных ресурсов, не хватает и достаточного морального импульса для проявления величайшей энергии; в результате изворачиваются, как могут, надеются на благоприятные события в будущем, хотя бы к тому не было никаких оснований, а война между тем влачит жалкое существование, как ослабленный, хворый организм.

Таким путем взаимодействие, соревнование, все могучее и неудержимое в войне тонет в застое слабых побуждений, и обе стороны действуют на крайне стеснившейся арене в сознании известной безопасности.

Если допустить это влияние политической цели на войну, а допустить его необходимо, то нельзя установить границ этого влияния, и придется волей-неволей дойти до признания таких войн, которые заключаются только в угрозе противнику и ведутся в подкрепление переговоров.

Что теория войны, стремящаяся быть и оставаться философским размышлением, оказывается в данном случае в затруднительном положении, вполне понятно. Все необходимое, заключающееся в понятии войны, ускользает от теории, и ей грозит опасность лишиться всякой точки опоры. Однако скоро открывается естественный выход. Чем больше сказывается в военных действиях уме-

ряющее начало или, вернее, чем слабее становятся побуждения к действию, тем более действие переходит в пассивное состояние, тем меньше становятся результаты, которые оно дает, и тем меньше оно нуждается в руководящих принципах. Все военное искусство обращается в простую осторожность, а последняя направляется главным образом на то, чтобы колеблющееся равновесие внезапно не нарушилось в ущерб нам, а полувойна не превратилась в настоящую войну» (т. 2, с. 331—332).

Когда читаешь вышеприведенные строки, то испытываешь искушение провести параллель с концепциями ядерного устрашения и военно-стратегического паритета. Общее заключается в том, что тогда и теперь главное значение имеют именно политические интересы.

«Даже конечная цель наших войн — политическая цель — не всегда бывает совершенно проста; но хотя бы она и была простой, действие остается связанным с таким множеством условий и соображений, что цель не может быть достигнута посредством одного большого акта, но достигается лишь рядом более или менее крупных и мелких актов, соединенных в одно целое. Каждый из этих отдельных актов есть, следовательно, часть целого, имеющая поэтому свою особую цель; при посредстве последней она и связывается с этим целым» (т. 1, с. 218—219).

Б. О РАЗМЕРАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕЛИ ВОЙНЫ И НАПРЯЖЕНИЯ

«Насилие, которое нам придется применить к противнику, будет находиться в соответствии с размерами наших политических требований, а также требований противника. Поскольку последние известны, казалось бы, степень обоюдных усилий может быть определена. Однако политические требования не всегда бывают доста-

точно явны, и в этом первая причина различия средств, применяемых с той и другой стороны.

Положение и обстановка государств неодинаковы; в этом может заключаться вторая причина.

Точно так же неодинаковы и сила воли, характер и способность правителей; это — третья причина.

Эти три причины вводят известную неопределенность в расчет сопротивления, которое мы встретим, а следовательно, в расчет тех средств, которые надо будет использовать, и конечной военной цели, которую следует себе поставить.

Так как недостаточность усилий приводит на войне не только к невозможности осуществить задуманное, но и наносит прямой ущерб, то это заставляет обе стороны стремиться превзойти друг друга в подготовке средств, благодаря чему возникает известное взаимодействие.

Последнее могло бы дойти до крайнего предела напряжения, если бы такой предел мог быть установлен» (т. 2, с. 303—304).

Натолкнувшись на вполне реальный вопрос, отметим, что такого предела в эпоху К. Клаузевица объективно быть не могло. Между тем в условиях военно-стратегического паритета ситуация сегодня резко изменилась. Как же автор заключает характеристику возможного положения?

«Но тогда потерял бы свое значение размер политических требований, средство утратило бы всякое соответствие с политической целью войны, а стремление к крайнему напряжению в большинстве случаев разбилось бы о противодействие, которое встретилось бы в собственной стране.

Таким образом, начинающий войну вновь вынуждается обратиться на средний путь, следуя которому он до известной степени будет действовать по принципу — применять на войне лишь те средства и задаваться лишь

такой конечной военной целью, которые будут достаточны для достижения политической цели. При следовании этому принципу воюющему придется отказаться от безусловного обеспечения успеха и от использования более широких возможностей» (т. 2, с. 304).

«...Таким образом, чтобы познать меры тех средств, которые надо подготовить для войны, мы должны продумать политический смысл ее как для нас, так и для противника; мы должны оценить силы и внутренние условия неприятельского и нашего государства, характер и качества правительства и народа как у неприятеля, так и у нас, наконец, политические отношения с другими государствами и то воздействие, какое на них может оказать война. Легко понять, что взвешивание всех этих разнообразных обстоятельств, различным образом переплетающихся друг с другом, представляет крупную задачу; требуется подлинное прозрение гения, чтобы быстро установить верное понимание, так как совершенно невозможно овладеть всем этим множеством данных с помощью лишь школьно правильного (читай: догматического.— *И. Ч.*) размышления» (т. 2, с. 304—305).

Такой подход неизбежно заставляет задумываться о революционизирующем воздействии нового политического мышления на современную военную практику. Нетрудно обнаружить, что, с одной стороны, изменились наши представления о проблемах войны и мира. С другой стороны, идет активный процесс ломки сложившихся стереотипов и догматических положений, унаследованных от прошлого.

«...Таким образом, мы прежде всего устанавливаем, что суждение о предстоящей войне, о конечной военной цели, которую надо себе поставить, о потребных для нее средствах может сложиться лишь из обзора совокупности всех обстоятельств, в которые вплетаются и злободневные моменты переживаемого времени. Это суждение, как и всякое другое, в области военной практики,

никогда не может быть чисто объективным, но определяется свойствами ума и темперамента государей, государственных людей и полководцев — безразлично, совпадают ли последние в одном лице или нет» (т. 2, с. 305).

Этим «злободневным моментом» сегодня являются реальности ядерного века. Для их объективного отражения требуется диалектическое мышление в военно-политической сфере. Последнее, в свою очередь, настоятельно требует от руководителей государств различных уровней прийти к твердому убеждению, что ни при каких условиях ядерная война не должна стать средством политики. И вообще опасно доводить дело до применения средств вооруженного насилия. Пришло время, когда аргументы оружия должны уступить место оружию аргументов. В противном случае, как справедливо заметил американский ученый Дж. Гэлбрейт, земля покроется пеплом, и пепел капитализма будет неотличим от пепла социализма. Понимание этих реальностей позволило сделать первые важные шаги по снижению угрозы войны, по разоружению.

Б. ВОЙНА ЕСТЬ ОРУДИЕ ПОЛИТИКИ

«Мы всесторонне рассмотрели расхождение, существующее между природой войны и другими интересами отдельного человека и общественных союзов, дабы не упустить ни одного из этих элементов противоречия; это расхождение коренится в самом человеке, следовательно, не может быть разрешено философией. Закончив это, мы попытаемся теперь найти то единство, в которое эти элементы противоречия сливаются в практической жизни, отчасти нейтрализуя друг друга. Мы бы уже в самом начале выдвинули это единство, если бы не было необходимости заранее с особенной отчетливостью выделить эти противоречия и рассмотреть различные элементы в

отдельности. Это единство заключено в понятии о том, что война является лишь частью политических отношений, а отнюдь не чем-то самостоятельным.

Все знают, что войны вызываются лишь политическими отношениями между правительствами и между народами, но обыкновенно представляют себе дело таким образом, как будто с началом войны эти отношения прекращаются и наступает совершенно иное положение, подчиненное только своим особым законам.

Мы утверждаем наоборот: война есть не что иное, как продолжение политических отношений при вмешательстве иных средств. Мы говорим: при вмешательстве иных средств, чтобы вместе с тем подчеркнуть, что эти политические отношения самой войной не прекращаются, не преобразуются в нечто совершенно другое, но, по существу, продолжают, какую бы форму ни принимали средства, которыми они пользуются, и что главные линии, по которым развиваются и связываются военные события, начертаны политикой, влияющей на войну вплоть до мира. И как можно себе представить это иначе? Разве когда-либо прекращаются вместе с дипломатическими нотами политические отношения различных народов и правительств? Разве война не является только другим способом изложения и высказывания их мыслей? Война, конечно, имеет свою собственную грамматику, но не собственную логику.

Следовательно, война никогда не может отделяться от политических отношений, и если это где-либо происходит, то тем самым в известной мере разрываются все связующие нити и получается нечто бессмысленное и бесцельное.

Без такого понимания нельзя обойтись даже в том случае, если бы война была всецело войной, всецело проявлением необузданной стихии вражды. В самом деле, разве все факторы, на которых война основана и которые

определяют ее главное направление, как-то: собственная сила противника, союзники обеих сторон, характер народов и правительств обеих сторон и т. д., как это мы перечисляли в первой главе первой книги,— разве все это факторы не политического характера и разве они не связаны со всеми политическими отношениями столь тесно, что их невозможно от них отделить? Но такое понимание становится вдвойне необходимым, если мы примем во внимание, что действительная война не стремится последовательно к наибольшей крайности, каковой она должна была бы быть согласно своему понятию, но что в действительности война половинчата, внутренне противоречива; что она как таковая не может следовать своим собственным законам, а должна рассматриваться как часть другого целого, и это целое — политика.

Политика, используя войну, уклоняется от всех строгих выводов, вытекающих из природы войны, мало заботится о конечных возможностях, интересуется лишь ближайшими вероятностями. Отсюда вносится во все дело значительная неопределенность, и, следовательно, война становится своего рода игрой; при этом политика каждого правительства лелеет надежду превзойти в этой игре своего противника искусством и дальновидностью.

Так, всесокрушающую стихию войны политика превращает лишь в свое простое орудие; страшный боевой меч, требующий, чтобы его подняли обеими руками, напрягая все силы для нанесения одного окончательного удара, благодаря политике превращается в легко управляемую шпагу, порою даже в рапиру, которой фехтуют по всем правилам искусства.

Так разрешаются противоречия, в которых война запутывает робкого по природе человека, если можно это назвать разрешением.

Раз война есть часть политики, то, следовательно, она будет принимать и ее свойства. Когда политика становится более грандиозной и мощной, то таковой же становится

ся и война; и этот рост может дойти до такой высоты, что война приобретет свой абсолютный облик.

Таким образом, при указанном способе понимания нам нет надобности упускать из виду этот облик войны — напротив, он должен всегда чувствоваться на заднем плане.

Только с этой точки зрения война снова становится единством, только при этом можно рассматривать все войны как вещи одного рода; только при таком представлении наше суждение получает правильную и точную опору и точку зрения, на основе которых следует создавать крупные планы и их оценивать.

Конечно, политический элемент не проникает глубоко в детали войны: пикеты и патрули выставляются не согласно политическим соображениям; но тем решительнее влияние политического элемента при составлении плана всей войны, плана кампании и часто даже плана сражения.

Поэтому мы и не торопились выдвинуть в самом начале эту точку зрения. Она бы нам мало помогла при рассмотрении отдельных явлений и даже до известной степени отвлекала бы наше внимание; но при рассмотрении вопроса о плане войны и кампании она совершенно необходима.

Самое важное в жизни — это отыскать такую точку зрения, исходя из которой все вещи могли бы быть поняты и оценены, и ее придерживаться; ибо только на основе единой точки зрения возможно охватить всю совокупность явлений как одно целое и только единство точки зрения может предохранить нас от противоречий.

Если, следовательно, при составлении плана войны недопустимы две или несколько точек зрения в оценках, например точка зрения солдата, администратора, политика и т. д., то спрашивается, необходимо ли, чтобы именно политика была той точкой зрения, которой должно подчиняться все остальное.

Мы исходим из того, что политика объединяет в себе и согласовывает все интересы, как внутреннего управления, так и гуманности и всего остального, что может быть выдвинуто философским разумом, ибо сама по себе политика ничто; она лишь защитник всех этих интересов перед другими государствами. Что политика может иметь неверное направление, служить преимущественно честолюбию, частным интересам, тщеславию правителей — это сюда не относится. Ни в коем случае военное искусство не является «наставником» политики. Мы можем здесь рассматривать политику лишь как представителя всех интересов целого общества.

Итак, вопрос состоит лишь в том, должна ли при составлении плана войны политическая точка зрения склоняться перед точкой зрения чисто военной (если таковая вообще была бы мыслима), т. е. или совершенно исчезать, или ей подчиняться, или же политическая точка зрения должна быть господствующей, а военная находиться у нее в подчинении?

Мнение, что политическая точка зрения с началом войны перестает существовать, имело бы основание лишь в том случае, если войны были бы боем не на жизнь, а на смерть вследствие простой вражды; войны же в том виде, как они бывают в действительности, являются не чем иным, как выражением политики, что мы уже выше показали. Подчинить политическую точку зрения военной — бессмысленно, так как политика родила войну. Политика — это разум, война же только орудие, а не наоборот. Следовательно, остается только возможным подчинение военной точки зрения политической.

Размышляя над вопросом о природе действительной войны, мы вспоминаем сказанное в III главе этой части: всякая война должна прежде всего рассматриваться по своему вероятному характеру и по главным очертаниям, вытекающим из политических величин и отно-

ш е н и й; часто — в наши дни мы можем с уверенностью сказать в большинстве случаев — война должна рассматриваться как органическое целое, от которого нельзя отделить его составных частей, в котором, следовательно, каждое отдельное действие должно сливаться с целым и исходить из идеи этого целого; таким образом, нам станет совершенно понятным и ясным, что высшая точка зрения для руководства войной, из которой должны исходить главные руководящие линии, может быть только точка зрения политики.

Если мы будем исходить из этой точки зрения, все планы станут как бы монолитными, понимание и оценка облегчатся и станут естественнее, убежденность повысится, побуждения окажутся более соответственными, а история станет более понятной.

При такой точке зрения спор между интересами политическими и военными уже не вытекает из самой природы вещей; поэтому, если он возникает, на него надлежит смотреть просто как на недостаток разума. Конечно, политика не может предъявлять к войне невыполнимых требований; это противоречило бы совершенно естественной и необходимой предпосылке, что она знает орудие, которым желает пользоваться. Если же она правильно судит о ходе военных событий, то определение, какие события и какое направление событий более всего соответствует задачам войны, — целиком дело политики и дюжет быть только ее делом.

Словом, военное искусство, рассматриваемое с высшей точки зрения, становится политикой, однако, разумеется, политикой, дающей сражения, вместо того чтобы писать ноты.

Согласно этому взгляду, недопустимо и даже вредно устанавливать такое различие, что крупное военное событие или план операции допускают обсуждение с чисто военной стороны; более того, привлечение военных к обсуждению планов войны, чтобы они высказа-

лись с чисто военной точки зрения о том, что следует делать правительствам, представляет прием, противоречащий здравому смыслу; и еще нелепее требование теоретиков, чтобы имеющиеся для войны средства передавались полководцу, а последний в соответствии с ними вырабатывал бы чисто военный план войны или кампании. Точно так же весь наш опыт говорит за то, что, несмотря на большое разнообразие и развитие современного дела, главные руководящие линии войны все же всегда определялись кабинетами, т. е., выражаясь технически, только политической, а не военной инстанцией.

И это вполне естественно. Ни один из основных планов, необходимых для войны, не может быть составлен без учета политических условий. Обычно выражают нечто совсем другое, чем то, что хотят сказать, когда говорят — а это часто имеет место — о вредном влиянии политики на ведение войны. Следует в этом случае порицать не это влияние политики, а самую политику. Если политика верна, т. е. если она ведет к своей цели, то соответственное ее воздействие может быть лишь благотворным для войны; там же, где ее воздействие удаляет нас от цели, корень зла надо искать лишь в ошибках политики.

Лишь в тех случаях, когда политика ошибочно ожидает от применения некоторых боевых средств и мероприятий несоответственного их природе действия, она может своими решениями оказать вредное влияние на войну. Подобно тому как человек, мало знакомый с каким-нибудь языком, порою выражает не то, что он хочет сказать, так и политика даже при правильном ходе мысли может поставить задачи, не соответствующие ее собственным намерениям.

Последнее имело место бесчисленное множество раз, что доказывает, что политические вожди не должны быть чужды известному пониманию военного дела.

Раньше чем продолжать, мы должны оградиться от неправильного толкования, которое легко может появиться. Мы далеки от мысли, что зарывшийся в бумагах военный министр или ученый инженер или даже испытанный боец будет наилучшим канцлером в том случае, если глава государства не руководит политикой. Иными словами, мы вовсе не хотим сказать, что знание военного дела должно быть главным качеством государственного человека. Широкий, выдающийся ум, сильный характер — вот те качества, которыми он по преимуществу должен обладать; понимание же военного дела всегда возможно так или иначе восполнить. Никогда во Франции политические и военные дела не руководились хуже, чем при братьях Белиль и герцоге Шуазель, которые все трое были хорошими солдатами.

Война должна вполне соответствовать замыслам политики, а политика должна соразмерять их в соответствии с имеющимися для войны средствами. Если политик и солдат не совмещаются в одном лице, то для достижения этого имеется лишь одно хорошее средство — сделать главнокомандующего членом правительства, дабы он в важнейшие моменты принимал участие в его совещаниях и решениях. Но опять-таки это возможно лишь в том случае, если само правительство находится вблизи театра военных действий, чтобы можно было без особого промедления решать все вопросы.

Австрийский император в 1809 г. и союзные государства в 1813, 1814 и 1815 гг. поступили таким образом, и этот метод вполне оправдался на практике.

Крайне опасно влияние в кабинете другого военного, помимо главнокомандующего; это редко приведет к здоровой и энергичной работе. Пример Франции, когда Карно в 1793, 1794 и 1795 гг. руководил военными действиями из Парижа, безусловно, не заслуживает подражания, ибо приемы террора доступны лишь революционным правительствам.

Закончим теперь рассуждение историческим образом.

В 90-х годах прошлого столетия произошел замечательный переворот в европейском военном искусстве; из-за него часть достижений лучших армий утратила всякое значение. Начали достигаться такие военные успехи, о размерах которых раньше не имелось вовсе представления, казалось, что вся ответственность за происшедшие катастрофы ложится на ошибочные расчеты военного искусства. Конечно, привычки и традиции ограничивали военное искусство узким кругом идей, и оно было захвачено врасплох лавиной новых обстоятельств, которые хотя и выходили за пределы старого круга представлений, но не противоречили существу дела.

Наблюдатели, обладавшие наибольшей широтой взгляда, приписывали это явление тому общему воздействию, какое политика в течение столетий оказывала на военное искусство, и притом к вящему вреду последнего, вследствие чего это искусство стало межеумочным и опустилось до игры в солдатики. Факт был верно подмечен, но было ошибочно видеть в нем нечто случайно возникшее, чего легко можно было избежать.

Другие пытались все объяснить расхождениями в политике Австрии, Пруссии, Англии и других стран.

Разум чувствовал себя захваченным врасплох; но правда ли, что подлинная внезапность имела место в области ведения войны, а не самой политики? Мы поставим вопрос на нашем языке: проистекло ли бедствие из влияния политики на войну или же из ложного направления политики?

Огромное влияние Французской революции на зарубежные страны заключается, очевидно, не столько в новых средствах войны и новых взглядах на ее ведение, сколько в совершенно изменившихся методах государственного и административного управления, в характере правительства, положении народа и т. д. Что правительства других стран на эти вещи смотрели неправильно, что

они обычными средствами хотели создать противовес новым и неуправляемым силам, все это — ошибки политики.

Разве эти ошибки можно было предвидеть и исправить, стоя на почве чисто военного понимания явлений? Конечно, нет. Ибо если бы и появился в то время подлинный стратег-философ, который из одной лишь природы враждебного начала предвосхитил бы все последствия и, как пророк, возвестил бы об отдаленных грядущих возможностях, то такое откровение осталось бы гласом вопиющего в пустыне.

Лишь при том условии, что политике удалось бы подняться до правильной оценки пробудившихся во Франции сил и новых политических отношений, возникших в Европе, политика могла бы предвидеть, как отсюда сложатся общие очертания войны, а последнее привело бы ее к установлению нужного объема средств, к выбору лучших путей.

Следовательно, можно сказать: двадцатилетние победы революции являются главным образом следствием ошибочной политики противостоявших ей правительств.

Правда, ошибки эти обнаружались лишь во время войны, а события последней оказались в полном противоречии с теми ожиданиями, которые на них возлагались политикой. Но это произошло не от того, что политика не удосужилась посоветоваться с военным искусством. То военное искусство, которому политика могла верить... представляло хорошо знакомый ей инструмент, которым она и раньше пользовалась; но оно, конечно, утверждаем мы, разделяло заблуждения политики и поэтому не могло ей открыть глаза. Правда, сама война в своей сущности, в своих формах также претерпела значительные изменения, приблизившие ее к абсолютному облику; но эти изменения возникли не из того, что французское правительство в известной мере эмансипировало войну, спустило ее, так сказать, с привязи политики; эти изменения возникли из новой политики, которая вышла из недр

Французской революции, притом не только для Франции, но и для всей Европы. Эта политика выдвинула другие средства и другие силы и поэтому сделала возможным ведение войны с такой энергией, о которой вне этих условий нечего было бы и думать.

Итак, действительные изменения в военном искусстве являются следствием изменившейся политики. Они отнюдь не служат доказательством возможности отделения одного от другого, а, наоборот, являются решительным доказательством их тесного единства.

Итак, еще раз: война есть орудие политики; она неизбежно должна носить характер последней; ее следует мерить политической мерой. Поэтому ведение войны в своих главных очертаниях есть сама политика, сменившая перо на меч, но от этого не переставшая мыслить по своим собственным законам» (т. 2, с. 332—341).

Читатель имел возможность проследить за ходом рассуждений Клаузевица. Абстрактная формула, которой сегодня легко перебрасываются между собой все любители упрощения сложной диалектики взаимоотношений между войной и политикой, уже не кажется легким и остроумным афоризмом, приобретшим печальную славу предрассудка. Как тут не вспомнить Гегеля, чрезвычайно тонко подметившего связь между объективной истиной и человеческой психологией — истина рождается как ересь, а умирает как предрассудок.

В этой связи интересно проследить отношение к учению Клаузевица в истории военно-политической [мысли нашей страны со времен первой мировой войны до настоящего времени.

УЧЕНИЕ КЛАУЗЕВИЦА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Известный афоризм о том, что ничто так быстро не изменяется, как наше неподвижное прошлое, вполне применим к учению Клаузевица. Со дня смерти Клаузе-

вица прошло уже почти 160 лет, но споры вокруг его знаменитой книги «О войне» не утихают до сих пор. Написанное Клаузевицем не изменить, но меняется действительность, меняется отношение к теоретическим постулатам, выработанным на основе анализа реальностей прошлого.

Всякий раз, когда происходили существенные изменения в развитии военного дела или в политической ситуации, учение Клаузевица тотчас же подвергалось массовой атаке со стороны критически настроенных теоретиков и практиков военной политики.

В истории нашей страны, начиная с первой мировой войны, можно выделить, по крайней мере, пять периодов повышенного интереса к Клаузевицу.

Первый период — это годы первой мировой войны. Большая часть социалистов европейских стран, России в том числе, предали забвению решения Базельской конференции (1912 г.) о преступном и реакционном характере грядущей войны со стороны всех правительств. Социал-шовинисты стали отстаивать лозунг «защиты своего отечества». Свой отказ от решений, принятых в 1912 году, они мотивировали ссылками на необходимость найти «зачинщика» войны и расправиться с ним.

Критикуя данный подход, В. И. Ленин в работе «Крах II Интернационала» замечает, что подобный взгляд на войну был «высмеян Клаузевицем около 80 лет тому назад: с началом войны прекращаются исторически подготовленные политические отношения между народами и классами, наступает совершенно иное положение! «просто» нападающие и защищающиеся, «просто» отражение «врагов отечества!» Угнетение целого ряда наций, составляющих больше половины населения земного шара, великодержавными империалистскими народами, конкуренция между буржуазией этих стран ради дележа добычи, стремление капитала расколоть и подавить рабочее движение — это все сразу исчезло из поля

зрения Плеханова и Каутского, хотя именно такую «политику» обрисовывали они сами в течение десятилетий...»¹.

Изучая книгу Клаузевица, В. И. Ленин выписывает на немецком языке следующее предложение: «Большинство войн только кажется взрывом взаимного возмущения, когда каждый хватается за оружие, чтобы защитить себя самого, а другому внушить страх и при случае нанести ему удар». Трижды отчеркнув это предложение, Ленин записывает: «Все войны таковы, что оба «только защищаются»².

И в дальнейшем В. И. Ленин неоднократно ссылался на Клаузевица, который, будучи буржуазным ученым, гораздо глубже понимал взаимосвязь войны и политики, чем социалисты, на деле предавшие интересы рабочего класса, поддерживая лозунг «защиты своего отечества», иными словами, помогая буржуазии проводить грабительскую политику во время войны.

Второй период связан с кануном Великой Отечественной войны.

Повышенный интерес к Клаузевицу характеризуется тем фактом, что за короткий период с 1932 по 1941 год его главный труд «О войне» издавался пять раз! Причины столь заинтересованного отношения вполне понятны — вся страна понимала, что избежать войны с фашизмом не удастся.

Конечно, в публикациях того времени содержался и критический аспект учения Клаузевица. В частности, исследователями правильно отмечалось, что ленинское понимание сущности войны, совпадая по форме со знаменитым определением «война есть продолжение политики иными средствами», отличалось по содержанию. Во-первых, Клаузевиц идеалистически трактовал сущность по-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 225.

² Ленинский сборник XII. С. 423.

литики. Он не видел ее связи с экономикой, с борьбой классов, считая, что политика является выражением интересов всего общества, концентрированным разумом государства, игнорировал он также взаимосвязь внутренней и внешней политики. Во-вторых, Клаузевиц, верно исходя из определяющей роли политики по отношению к стратегии, не понимал решающего воздействия вооруженной организации, количества и качества военной техники на характер стратегии и способы ведения войны.

В этот период Клаузевиц был актуален и потому, что крупнейшие буржуазные теоретики рассматривали войну как явление, присущее человеческой природе, вечное и неотвратимое. Причины войн трактовались ими в соответствии с биологическими, расовыми, психологическими и тому подобными подходами. Исследования Клаузевица, и особенно его знаменитая книга «О войне», помогали разоблачать ненаучные теории о происхождении и сущности войн, позволяя верно определять характер уже бушевавших войн, а также тех, возникновение которых ощущалось все явственней. А это позволяло выработать правильную политическую линию к воюющим сторонам.

Здесь необходимо заметить, что практическая сторона военной политики СССР накануне Великой Отечественной войны, увы, не всегда соответствовала теоретическим положениям о сущности и происхождении войн. Такая недооценка дорого обошлась народам нашей страны.

Вероятно, именно поэтому уже после второй мировой войны Клаузевиц «впал в немилость». В 1947 году в пятом номере журнала «Пропагандист и агитатор Красной Армии» был опубликован «Ответ тов. Сталина на письмо тов. Разина», в котором Клаузевиц подвергался уничтожающей критике. Это стало началом третьего периода повышенного интереса к выдающемуся теоретику войн, а точнее — резкого неприятия учения Клаузевица.

Приведем некоторые выдержки из письма Разина и ответа Сталина.

В своем письме к Сталину профессор полковник Е. Разин возмущается статьей подполковника Г. Мещерякова «Клаузевиц и немецкая военная идеология», помещенной в журнале «Военная мысль» (№ 6—7 за 1945 г.). Впрочем, предоставим слово автору письма.

«Дорогой товарищ СТАЛИН!

Если возможно, то очень прошу разъяснить мне следующие вопросы:

1. Не устарели ли положения Ленина в оценке Клаузевица?

2. Как надо относиться к военно-теоретическому наследству Клаузевица?..

Если взять принципиальную оценку работ Клаузевица в статье журнала, то она сводится к следующим положениям:

«Преобладание реакционных взглядов в трудах Клаузевица»;

«Не понял природы и сущности войны»;

«Стоит ниже военно-теоретической мысли своего времени».

Как известно, Ленин называл Клаузевица одним из самых глубоких писателей по военным вопросам, одним из великих военных писателей, одним из самых знаменитых писателей по философии войн и по истории войн, основные мысли которого сделались в настоящее время безусловным приобретением всякого мыслящего человека...

Таким образом, ленинская оценка Клаузевица является прямой противоположностью его оценки в статье журнала «Военная мысль».

Если в оценке Клаузевица прав Мещеряков, а не Ленин, то авторитет автора статьи слишком незначителен, чтобы выступать по такому вопросу. Да он открыто и не возражает Ленину. В таком случае статья дезориен-

тирует нашего офицера и генерала, что может принести вред Красной Армии.

Если же Мещеряков в своих суждениях по этому вопросу не прав, то его статью нельзя иначе квалифицировать, как антиленинскую вылазку, которой надо дать отпор.

В этом, как я думаю, политический вред данной статьи...

Общеизвестны две основные формы критики:

— низшая форма — выискивание передержек, идеализма, механицизма, реакционных взглядов и т. п. и отбрасывание с порога всего в целом;

— высшая форма — критическая переработка, за неправильной формой найти зерна положительного содержания, сохранить их и развить дальше.

Гораздо легче обнаружить общие недочеты (идеализм, метафизику, механицизм), что для начальной критической стадии имеет важное положительное значение. Но значительно труднее критическая переработка, где надо отыскать рациональные зерна, сохранить и развить их. «Много земли перерывают золотоискатели и находят немного золота» (Гераклит).

Именно на этой высшей ступени критики должна находиться и наша военно-теоретическая мысль. Статья же Мещерякова тянет нас назад. И в этом, как я думаю, ее теоретический вред».

Интересен сам стиль письма. Он очень хорошо характеризует ту эпоху. Никак нельзя отделаться от ощущения того, что письмо написано в виде доноса ..

Что же пишет в ответ Сталин?

«...1) Вы спрашиваете: не устарели ли положения Ленина об оценке Клаузевица?

По-моему, вопрос поставлен неправильно.

При такой постановке вопроса можно подумать, что Ленин разобрал военную доктрину и военные труды Клаузевица, дал им военную оценку и оставил нам в на-

следство ряд руководящих положений по военным вопросам, которые мы должны принять к руководству. Подобная постановка вопроса неправильна, так как на самом деле никаких таких «положений» Ленина о военной доктрине Клаузевица и его трудах не существует.

В отличие от Энгельса Ленин не считал себя знатоком военного дела. Он не считал себя знатоком военного дела не только в прошлом, до Октябрьской революции, но и впоследствии, после Октябрьской революции вплоть до окончания гражданской войны...

Что же в таком случае интересовало в Клаузевице и за что он его хвалил?

Он хвалил Клаузевица прежде всего за то, что не марксист Клаузевиц, пользовавшийся в свое время авторитетом знатока военного дела, подтверждал в своих трудах известное марксистское положение о том, что между войной и политикой существует прямая связь, что политика порождает войну, что война есть продолжение политики насильственными средствами. Ссылка на Клаузевица нужна была здесь Ленину для того, чтобышний раз уличить Плеханова, Каутского и других в социал-шовинизме, в социал-империализме.

Он хвалил, далее, Клаузевица за то, что Клаузевиц подтверждал в своих трудах правильное с точки зрения марксизма положение о том, что отступление при известных неблагоприятных условиях является такой же законной формой борьбы, как и наступление. Ленину нужна была здесь ссылка на Клаузевица, чтобышний раз уличить «левых» коммунистов, не признающих отступления, как законной формы борьбы.

Следовательно, Ленин подходил к трудам Клаузевица не как военный, а как политик, и интересовался теми

¹ Сталина, видимо, несколько не смутил тот факт, что Клаузевиц не мог подтверждать марксизм, ибо он жил и творил значительно раньше классиков марксизма.— *Н. Ч.*

вопросами в трудах Клаузевица, которые демонстрируют связь войны с политикой.

Таким образом, в деле критики военной доктрины Клаузевица, мы, наследники Ленина, не связаны никакими указаниями Ленина, ограничивающими нашу свободу критики.

Но из этого следует, что Ваша оценка статьи тов. Мещерякова (см. «Военная мысль» № 6—7, 1945 г.), критикующего военную доктрину Клаузевица, как «антиленинской вылазки» и как «ревизии» ленинской оценки, — бьет мимо цели.

2) Должны ли мы критиковать по сути дела военную доктрину Клаузевица? Да, должны. Мы обязаны с точки зрения интересов нашего дела и военной науки нашего времени раскритиковать не только Клаузевица, но и Мольтке, Шлиффена, Людендорфа, Кейтеля и других носителей военной идеологии в Германии...

Что касается частностей Клаузевица, то он, конечно, устарел, как военный авторитет. Клаузевиц был, собственно, представителем **мануфактурного** периода войны. Но теперь у нас **машинный** период войны. Несомненно, что машинный период требует новых военных идеологов. Смешно брать теперь уроки у Клаузевица...

3) Что касается Ваших кратких тезисов о войне и военном искусстве, то ввиду их схематического характера могу лишь дать общие замечания. В тезисах слишком много философии и отвлеченных положений. Режет слух терминология Клаузевица насчет грамматики и логики войны. Слишком примитивно поставлен и вопрос о партийности военной науки. Режут слух дифирамбы в честь Сталина — просто неловко читать. Отсутствует раздел **о контрнаступлении** (не смешивать с контратакой). Я говорю о контрнаступлении после успешного наступления противника, не давшего, однако, решающих результатов, в течение которого обороняющийся собирает силы, переходит в контрнаступление и наносит противнику ре-

шительное поражение. Я думаю, что хорошо организованное контрнаступление является очень интересным видом наступления...»

Из ответа Разину отчетливо видно, что Сталин фактически оправдывается за неудачное для нашей страны начало войны, принижает роль Ленина в разработке военных вопросов, ибо именно ленинская методология анализа войн практически игнорировалась им.

После публикации ответа Сталина посыпались статьи, разоблачающие Клаузевица как реакционера, идеалиста, предтечу военной идеологии фашизма и т. п.

Четвертый период связан с крушением культа личности Сталина. По сути, это период восстановления авторитета Клаузевица, защиты его от критики со стороны различных буржуазных направлений военной идеологии и пацифизма.

Пятый период приходится на начало становления нового политического мышления. Целый ряд писателей, публицистов, ученых-обществоведов обрушился на «многострадальную» формулу Клаузевица — «война есть продолжение политики насильственными средствами», считая ее устаревшей для ядерной эпохи.

В самом деле, добиваться политических целей с помощью войны в современных условиях бессмысленно, так как в ядерной войне, и это признается всеми, победителей быть не может. Отсюда вывод: война перестает быть продолжением политики.

Так ли это? Выходит, ядерная война может наступить независимо от воли политических деятелей, например в результате технической ошибки? Да, технические ошибки возможны, но их трагические последствия предусматриваются (или должны предусматриваться) все же политикой. Генетически война по-прежнему связана с политикой, пусть безумной, но политикой. Другое дело, сама война с применением ядерного оружия приобретает уже характер той «абсолютной войны», в которой места

политике не остается. С помощью ядерного оружия достичь политических целей уже невозможно.

Так устарела ли концепция Клаузевица о сущности войны?

Вопрос представляется некорректным. Клаузевиц был выдающимся ученым, именно поэтому он исследовал только имеющиеся факты. Его исследования однозначно доказали неразрывную связь войны с политикой. Устарело не учение Клаузевица, «устарела» та действительность, которую он анализировал.

В известном смысле можно сказать, что война перестает быть войной. Это уже явление другого порядка. Не случайно некоторые ученые как у нас в стране, так и за рубежом считают, что понятие «ядерная» и понятие «война» несовместимы. Можно говорить лишь о «ядерной катастрофе», «ядерном апокалипсисе» и т. п., то есть о понятиях, отражающих совершенно другой тип явлений.

Но можно с полной уверенностью сказать, что предотвращение возможного ядерного конца для человечества лежит именно в плоскости политической деятельности. Разумная политика должна быть противопоставлена политике безумной. В основе разумной политики должны находиться общечеловеческие интересы, приоритет которых над классовыми и составляет суть нового политического мышления.

Таким образом, Карл Клаузевиц актуален для нас не только с точки зрения изучения истории военно-политической мысли, но и для более глубокого понимания реальностей нашего времени.

К47   **К. Клаузевиц о войне.**— М.: Моск. рабочий,
1990.— 46 с.— (Первоисточники).

Карл Клаузевиц (1780—1831) принадлежит к числу замечательных людей эпохи национально-освободительных войн. Он глубоко схватил и проанализировал сущность войны, теоретически обосновал ее связь с политикой. «Политика — это разум»,—заявлял Клаузевиц. Сегодня нужна политика особенно разумная, предотвращение возможности ядерного конца для человечества лежит именно в сфере политической деятельности. Учение Клаузевица актуально для нас не только с точки зрения изучения истории военно-политической мысли, но для более глубокого понимания реальностей нашего времени.

Для массового читателя.

„ 0202000000—163
К—М172(03)___90   Без объявл.

Б Б „   63.3(0)5